

С

на правах рукописи

ЧИСТЯКОВ БОРИС ПАВЛОВИЧ

ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ И
ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТНОГО ПРОСТРАНСТВА
(РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

22.00.03 – экономическая социология и демография

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук по
специальности

ХАБАРОВСК - 2004

Диссертация выполнена в Хабаровском государственном техническом университете

Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор **Бляхер**
Леонид Ефимович

Официальные оппоненты: доктор экономических наук,
профессор **Зубарев**
Александр Евстратьевич
кандидат социологических наук,
доцент **Штейнберг**
Алексей Генрихович

Ведущая организация: Дальневосточная академия государственной службы

Защита состоится «23» ноября 2004 г. в «14» часов на заседании специализированного диссертационного совета КМ.212.294.03 в Хабаровском государственном техническом университете по адресу: 680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136, ауд. 315л

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Хабаровского государственного технического университета

Автореферат разослан « » _____ 2004 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

П.П. Лях

2007-4
17399

2525815
3

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

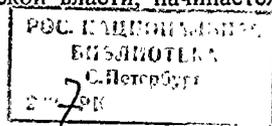
Актуальность темы исследования определяется потребностью в позитивном описании социально-экономического транзита, переживаемого сегодня Россией.

Исследование трансформирующегося общества и приход к власти новых социальных групп ставит принципиально новые, ещё неисследованные проблемы перед социальной наукой. Они находятся на стыке широкого спектра социально-гуманитарной проблематики, стремясь ухватить процесс становления новых социально-экономических отношений. Одним из существенных элементов этих отношений является формирование принципа взаимодействия власти и бизнеса.

Складывающиеся за десятилетия реформ социальные практики, чаще реализовались за пределами легальной институциональной структуры общества. Они все более оформлялись в особые неформальные институты, не фиксируемые в ходе опросов общественного мнения или изучения официальной статистики, но существенно влияющие на сам ход преобразований общественной структуры. Особенно остро эта проблема вставала в отдаленном от центра Дальневосточном регионе. Здесь на процесс трансформации распределительной экономики в рыночную систему хозяйства оказывали существеннейшее влияние неформальные отношения, сложившиеся в кругах элитных экономических и политических социальных групп.

Грандиозная перетасовка кадров высшего и, отчасти, среднего звена, практиковавшаяся в 30-е – 50-е годы препятствовала образованию устойчивых социальных контактов в рамках местной элиты. Первое лицо в Крае или области был всегда проводником центральной политики на местах. Вместе с ним, как правило, прибывала «команда» - люди столь же мало связанные с местными интересами и местными социальными группами.

По мере того, как срок пребывания в должности увеличивался, приближаясь к 20-ти годам в последние годы советской власти, начинается

взаимопроникновение местных лидеров и партийно-хозяйственной номенклатуры территории. Первое лицо из представителя центральной власти превращается в лидера местной элиты. Прорастает в социальную структуру территории и его команда. Формируются устойчивые социально-политические и экономические связи, основанные на механизмах взаимной поддержки и взаимного доверия, представляющие собой сетевую социально-политическую структуру.

Социальные трансформации последнего десятилетия привели к изменению в персональном составе властной сети, в позициях, занимаемых конкретным агентом, но не отменили саму сеть. Она сохранила и свой главный смысл – способствовать перераспределению центральных (федеральных) ресурсных, финансовых и иных потоков в интересах участников сети. Более того, многие события социально-экономической жизни Дальнего Востока, особенно Хабаровского края, невозможно ни понять, ни оценить без учета наличия этой сети. Такая сеть выполняла функции поставщика ресурсов, гаранта осуществления и безопасности экономического взаимодействия, основы для консолидации ресурсов.

Сегодня все более очевидным становится демонтаж сложившейся системы, формирование новых оснований социального контракта между бизнесом и властью. Каковы причины формирования и демонтажа прежней системы? Какие варианты нового контракта возможны сегодня и, в каких условиях они могут реализоваться?

На эти вопросы мы и попытаемся ответить в настоящей работе.

Степень разработанности проблемы.

Проблема, сформулированная в настоящем исследовании, разрабатывалась в рамках нескольких направлений экономической социологии. Во-первых, это направление, связанное с анализом неформальной экономики. Именно здесь отношения бизнеса и власти выступают наиболее явно и открыто. Существенный вклад в развитии данной проблематики внесли

А. Журавлев, Т. Заславская, И. Лисиненко, В. Поздняков, В. Радаев, Р. Рывкина, О. Леденева, О. Ромашов, В. Халипов, Э. Фетисов, В. Червяков, В. Чередниченко, Ю. Чепуренко, С. Барсукова, В. Шапиро, С. Шаталин, Н. Шмелев, Э. Панеях, В. Волков и многие другие¹.

Однако в этих работах, особенно Ю. Чепуренко, В. Радаева, А. Темкиной, А. Журавлевой изучались не столько социальные аспекты взаимодействия бизнеса и власти, сколько проводился целенаправленный поиск «среднего класса» как будущей основы стабильного развития. В них выводилась, как правило, дедуктивная модель будущего среднего класса, основу которого составляли представители малого бизнеса. Во второй половине 90-х годов в работах Т. Заславской, Е. Здравомысловой, Т. Шанина, В. Радаева, Л. Тимофеева, Ю. Латова, Э. Панеях, Л. Бляхера, центр тяжести в исследованиях бизнеса был перенесен на анализ конкретных экономических практик, определяемых в терминах «неформальная экономика».

Проблема неформальной экономики как основы взаимодействия бизнеса и власти разрабатывается в социологической науке уже более 30-ти лет. Впервые к этой теме обратились Н. Смелзер, М. Грановеттер и некоторые другие исследователи.² Круг реалий, рассматривающихся в рамках данного направления, постепенно расширялся. Первые исследования ориентировались исключительно на экономику отсталых стран Юго-Восточной Азии и Африки.

¹ Радаев В.В. О некоторых чертах нормативного поведения предпринимателей // Мировая экономика: международные отношения. – 1994. – № 4. Журавлев А.Л., Поздняков В.П. Российские предприниматели в современной социальной структуре // Социологические исследования. – 1994. – № 5. Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Социологические исследования. – 1995. – № 3. Ромашов О.В. Реформа в России глазами предпринимателей // Социологические исследования. – 1996. – № 9. Халипов В.Ф., Лисиненко И.В. Социология предпринимательства. – М.: Луч, 1996. Червяков В.В., Чередниченко В.А., Чепуренко Ю.А. Предпринимательский класс в возрождающейся России. // Социологические исследования. – 1993. – № 1. – С. 77-95. Фетисов Э.Н., Яковлев И.Г. Предпринимательству – государственную поддержку // Социологические исследования. – 1994. – № 2. – С. 33-38. Шапиро В.Д. Россияне о предпринимательстве и предпринимателях. // Социологические исследования. – 1992. – № 10. Шаталин С.С., Гайдар Е.Т. Экономическая реформа: причины, направления, проблемы. – М.: Экономика, 1989. Шкаратан М. Феномен предпринимателя: интерпретация понятий. – М.: Ин-т экономики РАН, 1993. Тимофеев Л. Преступная организация как фирма. – СПб., 1998. Шмелев Н. Экономические перспективы России // Вопросы экономики. – 1995. – № 1. Бляхер Л.Е. Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса. – М.: МОНФ, 2000. Шанин Т. Неформальная экономика. – М.: Интерцентр, 1999. Волков В.В. Силовое предпринимательство. – СПб., 2002. Латов Ю. Экономика вне закона. – М.: МОНФ, 2000. Рывкина Р.В. Драма перемен. – М.: Дело, 2001.

² Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana // Journal of Modern African Studies, 1973, vol. 11, № 1; Williamson O.E. Markets and Hierarchies N.Y.: Free Press, 1975. n др.

Несколько позже в сферу неформальной экономики была включена проблематика, связанная с крестьянскими хозяйствами (домохозяйствами) стран Европы и США.³

В России исследования неформальной экономики развиваются в течение последнего десятилетия. Теме социальных процессов в сфере неформальной экономики посвящали свои работы В. Радаев, А. Леденева, С. Барсукова, И. Клямкин, Л. Тимофеев, В. Исправников, Э. Панеях, Л. Бляхер, А. Карпов, В. Волков, В. Гельман и многие другие. В рамках этих – отечественных и зарубежных - исследований оформилось особое направление по исследованию неформальной экономики.⁴ Согласно ему, неформальная экономика – особая сфера, обладающая иными закономерностями развития и протекания социальных процессов, нежели официально-легальная сфера. Однако господствующей в конкретных исследованиях до сих пор остается точка зрения, что неформальная экономика есть деформированная часть «нормальных» социально-экономических отношений.⁵ В полемике с данной точкой зрения формировалась наша собственная концепция исследования.

Другими материалами, на которые опирается настоящая работа, стали исследования социальных сетей.⁶ Подобные исследования предпринимались в отечественной социологии. Интересное исследование социальных сетей в научном сообществе предпринято Г. Батыгиным и Г. Градосельской.⁷ Социальные сети сельского сообщества анализируют Е. Ковалев и И. Штейнберг.⁸ В несколько ином (политологическом) плане проблема социальных сетей поднимается в работах А. Кузьмина и В. Сергеева. В целом

³ Шанин Т. Эксплоатационные структуры и неформальная экономика в современной России // Неформальная экономика. Россия и мир М., 1999; De Soto H. The Other Path: The Informal Revolution. N.Y. Harper and Row. 1989; Scott J.C. Moral Economy of the Peasant. L., 1976 и др.

⁴ De Soto H. The Other Path: The Informal Revolution. N.Y., Harper and Row, 1989.

⁵ Барсукова С. Август 1998 года и отечественное предпринимательство // Pro et contra. № 2. т. 4, 1999. Ледяев В.Г. Власть, интерес и социальное действие // «Социологический журнал». 1998 № 1, 2.

⁶ Мени И. Коррупция на рубеже веков: эволюция, кризис и сдвиг в ценностных представлениях // Межд журн социальных наук – Париж, М., 1997. № 16. Роуз-Аккерман С. Демократия и «великая коррупция» // Межд журн социальных наук – Париж, М., 1997, № 16 и др.

⁷ Градосельская Г. Социальные сети: обмен частными трансфертами // «Социологический журнал». 1998

⁸ Штейнберг И.Е., Ковалев Е.М. Качественные методы в полевых социологических исследованиях М Логос. 1999

же исследования социальных сетей в России пока еще не стали распространенными. Не менее важно, что подобные исследования слабо связаны с анализом социальных процессов в сфере неформального экономического взаимодействия. Это совмещение происходит в достаточно ограниченном количестве работ.⁹

Другой традицией, повлиявшей на нашу работу, стала концепция мир-системы И. Валлерстайна и ее продолжения в работах отечественных мыслителей Д. Драгунского, Б. Межуева, Е. Замятина, В. Цымбурского и другие¹⁰. Здесь тема бизнес и власть, смысл государственной власти для бизнеса и российская специфика этих проблем выходит на первых план. Однако, эти работы писались применительно к условиям возникновения государств Нового времени. Мы же попытаемся рассмотреть, как этот процесс протекает сегодня в конкретной стране и в конкретном регионе.

Объектом исследования является процесс взаимодействия бизнеса и власти в дальневосточном регионе.

Предметом исследования выступают социально-экономические практики, формирующиеся в процессе взаимодействия бизнеса и власти в дальневосточном регионе.

Эмпирическую базу исследования составили:

- Неформализованное интервью с 120 представителями малого бизнеса (тип выборки «типичные случаи»);
- 10 экспертных неформализованных интервью с представителями властных структур регионального и муниципального уровней;
- вторичный анализ результатов выборочного социологического опроса населения и предпринимателей Российской Федерации в 13 субъектах

⁹ Леденева А. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блага в постсоветском обществе // Мир России, М., 1997, № 4. Леденева А. Благ и рынок: трансформация блага в постсоветском обществе // Неформальная экономика. Россия и мир, М., 1999; Шанин Т. Эксплоатационные структуры и неформальная экономика в современной России // Неформальная экономика. Россия и мир, М., 1999 и др.

¹⁰ Валлерстайн И. Конец привычного мира. М., 2003., Драгунский Д. Сущности одной цивилизации // Космополис, № 3, 2003

Российской Федерации, проведенный Российской академией государственной службы и Дальневосточной академией государственной службы в 2001 году;

- вторичный анализ материалов социологических исследований по программам: "Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса", "Конкуренция за налогоплательщика: региональные варианты фискальной мифологии" (руководитель Бляхер Л.Е., 1999-2001 гг.);

- аналитические статьи и результаты социологических исследований, опубликованные в журналах "Социологические исследования", "Регион: экономика и социология", информационном бюллетене «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения» (1991-2003 гг.), Журнале «Политические исследования» (1998 – 2003гг) и др.;

- данные Госкомстата России, статистические отчеты по изучаемой проблеме органов государственной власти и муниципального управления Дальневосточного федерального округа.

Методом обработки эмпирического материала выступали дискурсивные аналитические техники.

В работе использованы приемы фрейм-анализа, анализа (Т. Ван Дейк), «категоризации социального взаимодействия» (Х. Сакс), приемы «понимающей социологии» (А. Шюц). Основным методом анализа выступает анализ «категоризации взаимодействия». Анализ категоризации взаимодействия опирается на принципы социального конструктивизма, который исходит из того, что речь – есть слепок социальной реальности. В связи с этим, методика предполагает следование двум правилам. Во-первых, исследователь предполагает, что данная категория принадлежит к некоторому общему родовому классу категорий. Во-вторых, исследователь исходит из правила «консистентности» категорий. Суть этого правила заключается в том, что в рамках данного типа дискурса респондент сохраняет некоторую логику изложения и объединяет категории в рамках одного смыслового блока.

Целью исследования выступает выявление закономерностей построения и функционирования и трансформации социального контракта между бизнесом и властью в России и его роли при осуществлении взаимодействия в процессе социально-экономического развития региона.

Исходя из цели работы, определяется круг задач, выступающих этапами исследования:

- обобщить закономерности становления и развития социального контракта между государством и бизнесом в Новое и Новейшее время;
- определить основные этапы становления предпринимательства в России после развала Советского Союза;
- выявить и описать устойчивые социальные представления, связанные с бизнесом в общественном мнении и их влияние на структуру властных решений;
- определить социально-экономические параметры взаимодействия государства и общества с предпринимательством на современном этапе;
- эксплицировать смысл изменения отношения государства к предпринимательству в первые годы XXI века;
- выявить наиболее эффективные стратегии поведения представителей бизнеса в современных условиях;
- обосновать рекомендации, направленные на создание действенной системы социального партнерства бизнеса и власти, адекватные специфике региона.

Целью и задачами исследования, а так же характером эмпирической базы предопределяется применяемая в нем методология.

Методологическим основанием нашего исследования является фискальная концепция, высказанная В. Волковым и изучение «теневых экономических практик», предпринятое В. Радаевым.¹¹

¹¹ Волков В.В. Ценности и нормы нелегальных силовых структур // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999, № 3; Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий. 1998

Согласно концепции В. Волкова уплата налога есть сделка по приобретению совершенно уникального «товара» – гражданства. В структуру «товара» входят права на получение достаточно широкого спектра услуг: право на личную безопасность, право на социальное обеспечение, право на «пользование» государственным аппаратом и т.д. Невыполнение государством своих обязательств, связанных с «правом гражданства» и вызывает стремление найти альтернативный источник получения необходимых услуг. Этот подход и дает возможность описать основания «социального контракта» между властью и бизнесом.

Научная новизна работы подтверждается актуальностью эмпирических и методологических задач исследования.

- Впервые в отечественной литературе выделены и описаны этапы взаимодействия формальной и неформальной экономики в период с начала 90-х годов XX века до настоящего времени.
- Определены институциональные последствия экономического кризиса 1998 года для формирования социального контракта между бизнесом и властью.
- Осуществлено моделирование сценариев трансформации социального контракта между бизнесом и властью в современных условиях.

На защиту выносятся следующие положения:

- В период становления модернистских обществ (Новое время) основным гарантом осуществления социального взаимодействия в экономической сфере выступает государство, осуществляющее массивную социальную интервенцию в обществе.
- В ситуации социального транзита (перехода от тоталитарного к демократическому режиму и от плановой экономики к рыночной) система социальных гарантий терпит ущерб.
- Одним из основных следствий распада системы социальных гарантий является кризис доверия в отношении государства, затруднение

осуществления экономических трансакций. Для воссоздания системы гарантий участник социального взаимодействия в экономической сфере вступает в неформальные отношения, позволяющие получить услуги (гарантии) декларируемые, но не предоставляемые государством.

- Выделяются два этапа становления российской экономики в период 90-х годов. На первом этапе (первая половина 90-х годов до 1998 года) формальная и неформальная экономика существуют отдельно и регулируются различными принципами и различными силовыми операторами. На втором этапе (1998 – 2002. годы) формальные и неформальные правила совмещаются в единую систему социально-экономического взаимодействия, позволяющую осуществлять эффективные трансакции.
- Формальная государственная власть в этих условиях лишается возможности реально влиять на экономические процессы. В условиях, когда возникает острая потребность в скорейшей модернизации экономики, существовавшей все эти годы на «советском запасе», у государства не оказывается материальных и властных средств для ее осуществления.
- С целью обеспечить властные и материальные средства осуществления модернизации государством предпринимается «одностороннее» изменение контракта с бизнесом. В работе анализируются «оптимистический», «нейтральный» и «пессимистический» варианты развития событий, проигрывающие ситуации от ускоренной модернизации региональной экономики за счет средств, полученных в результате изменения властного контракта, до нового передела собственности в стране и регионе, порождающего эскалацию социально-экономических рисков.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении наших представлений о структуре и механизмах социального взаимодействия в нестабильных социальных условиях. Результаты работы позволяют полнее осознать отличия между формальной и неформальной социальной сферой, выработать механизмы их сосуществования.

Практическая значимость исследования заключается в возможности выработать социологически обоснованный подход к разработке программ поддержки и развития бизнеса в регионе. Результаты исследования могут быть применены в педагогической практике для разработки спецкурса «Социальные сети в нестабильных социальных условиях», при чтении курсов «Экономическая социология», «Социология».

Апробация работы была проведена в ходе 2-х региональных научно-практических конференций (Хабаровск, 2003,2004). Основные результаты исследования опубликованы в 3-х научных работах. Диссертация обсуждена на заседании кафедры социологии, социальной работы и права Хабаровского государственного технического университета.

Структура работы определяется характером выбранной темы и логикой изложения материала. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы взаимодействия власти и бизнеса, раскрывается степень ее разработанности, характер эмпирической базы исследования, методология обработки и интерпретации данных. Здесь же формулируется цель работы, ее задачи, новизна, положения, выносимые на защиту. Определяется теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ» рассматривается процесс формирования «социального контракта», определяющего логику взаимодействия власти и бизнеса в Новое и Новейшее время. Исследуется специфика российского варианта властно-экономического взаимодействия, определяются собственные методологические и концептуальные установки.

В первом параграфе первой главы «СОТНОШЕНИЕ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ:

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ» определяется социологическая традиция, из которой исходит настоящее исследование. Социологический анализ экономических явлений имеет уже долгую историю. Социология достаточно давно критиковала экономическую науку за абстрактность и безжизненность ее построений. Однако только в середине XX века появляются исследования, стремящиеся критику экономики совместить с неким собственным позитивом. Принципиальное отличие этих близких дисциплин заключается в понимании рациональности. Для экономики рациональность одна для всех экономических субъектов. Именно поэтому и появляется возможность «вынести за скобки» субъектность экономического акта и сосредоточиться на исследовании движения финансов, товаров или услуг, правовой рамки экономической деятельности. Для экономической социологии единая рациональность – социальный миф. С ее точки зрения в процессе экономического акта происходит «столкновение рациональностей различного типа», каждая из которых считает себя истинной. Вскрыть природу рациональности каждого из субъектов, участвующих в экономическом взаимодействии, рассмотреть экономический акт как результат столкновения – цель экономической социологии. Применительно к исследуемой проблеме эта цель превращается в рассмотрение сложной системы сближения/отторжения, формирующейся между рациональностью бизнеса и властной рациональностью, между экономическим и политическим пространством.

Для того, чтобы выявить генезис этой системы в параграфе предпринимается исторический экскурс, базирующийся на концепции миро системы, выдвинутой И. Валлерстайном. Согласно этой концепции капиталистическая система хозяйства, в рамках которой и выделяется экономика как отдельная и самостоятельная сфера, является случайным порождением социально-исторических условий «длинного 16-го века». Суть их состоит в том, что в связи с крестовыми походами и междоусобными войнами в Европе возникает «вакуум силы». Рыцари, традиционный политический класс, были слишком слабы, чтобы безраздельно диктовать свою волю, а

полуостровное положение Европы и особая внешнеполитическая ситуация гарантировали ее от внешних вторжений. С другой стороны, в это время появляются «новые сильные» - богатые горожане, которые нуждаются в альтернативном источнике силы (силовом предпринимателе). Этот альтернативный источник силы (король, кондотьер) институционализируется в структуры государства Нового времени. Главной целью государства этого периода, хотя и не всегда артикулируемой напрямую, является «силовое обслуживание» экономической деятельности на конкретной территории. Содержанием «силового обслуживания» выступает, прежде всего, защита собственности купцов и промышленников от насильственной экспроприации иным силовым предпринимателем и обслуживание экономического акта, являющегося важнейшим социальным актом эпохи. Формой оплаты услуг силового предпринимателя и выступали налоговые выплаты.

Не менее важной стороной деятельности силового предпринимателя-государства становится защита от «опасных классов» - бедняков и люмпен пролетариев, также стремящихся к насильственной экспроприации. Если первая сторона деятельности давала картину международной и экономической политики, то вторая - политики социальной. Для того, чтобы защитить хозяйствующих субъектов от насильственной экспроприации снизу европейское государство Нового времени предпринимает фундаментальный проект по перераспределению общественного богатства - либеральный проект. В структуру либерального проекта входили всеобщее (для граждан) избирательное право, доступ к системе образования, здравоохранению, благам алиментарной системы, иным социальным гарантиям. В ходе его реализации формируется третий субъект «социального контракта» - гражданское общество. Соотношение сил между тремя ведущими субъектами общества: бизнесом, властью и гражданским коллективом дает нам варианты осуществления либерального проекта (собственно либеральный, консервативный, радикальный). В зависимости от принятия того или иного варианта тяжесть оплаты проекта ложится либо на государство (либеральный вариант), либо на

общество (консервативный вариант), либо на бизнес (радикальный). Наиболее распространенным в Европе был либеральный вариант. Он и был закреплён в основных социальных мифах современности – «рыночной экономики», «правового государства» и «гражданского общества». Однако, как показано в работе, эти концепты завязаны на культурных представлениях западноевропейских стран и далеко не всегда соответствуют реалиям современности. Стремление многих стран, в том числе России, перенести формальную структуру западноевропейского (в том числе американского) социума на свою почву не столько даёт импульс к развитию, сколько закрепляет лидерство стран «центра» (И. Валлерстайн). Для того, чтобы взаимодействие власти и бизнеса было эффективным и отвечало задачам данного общества, оно должно базироваться на собственных культурных представлениях. Эти представления и этапы формирования социального контракта в России и были рассмотрены в следующем параграфе.

Во втором параграфе «ВЛАСТЬ И ПОПУЛЯЦИЯ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА» рассматривается особенность взаимодействия властного и экономического пространства в России. В отличие от Западной Европы, где власть формировалась во взаимодействии с бизнесом и «обслуживала» его, в России власть носила абсолютный характер, получая полную сакральную санкцию (от Бога). В результате она не нуждалась в каких-либо контрактных отношениях ни с обществом, ни с экономическими субъектами. Последние, по существу, были «государевыми людьми», а не свободными предпринимателями. Социальный контракт и социальные гарантии распространялись даже в просвещённом XIX веке менее, чем на 2% населения страны. Однако петровские реформы и, особенно, реформы Александра II привели к возникновению экономики как особой сферы. Она была недостаточно сильна, чтобы, как на Западе, диктовать свою волю или хотя бы договориться с государством, но она была и нуждалась в социальных гарантиях. Эти гарантии и обретались в области неформальных отношений. Для этого существовала и определенная «правовая рамка». Вплоть

до конца XIX века в России существовала правовая двойственность: наряду с формальным правом для меньшей части населения существовало «обычное право», где суд осуществлялся «по справедливости и местным обычаям», а судья «кормился» миром, а не получал регулярное жалование. Здесь и возникала возможность для экономического субъекта через подкуп, давление, «дружбу» и т.д. включить себя в систему государственных гарантий. Особенно распространенной эта система была для отдаленного региона – Дальнего Востока России, где общегосударственные правовые нормы наименее отвечали реальным экономическим практикам. Подобная ситуация сохраняется и в советский период. Отсутствие «правовой рамка» переносит неформальный контракт между бизнесом и силовым предпринимателем в «теневую» сферу. Конечно, речь идет о позднем советском периоде (70-е – 90-е годы XX века). В этот период, несмотря на сильнейшее противодействие государства, возникает параллельная экономика, основанная на неформальных принципах и оказавшаяся гораздо более эффективной, чем легальная. Однако, как показано в работе, отсутствие легальных форм презентации накладывало на ее развитие жесткие ограничения. Теневой экономический акт мог осуществляться между лично знакомыми людьми, а неформальные (криминальные) силовые операторы могли контролировать лишь небольшую территорию. Стремление к легализации экономики и стало одним из ведущих факторов крушения советского режима. Но легализация, точнее, отсутствие для нее реальных форм породила новый спектр вопросов. Эти проблемы также не имели легальных форм презентации, потому оказывались невидимы и для общества, и для исследователя. Лишь в самые последние годы появилась методология, позволяющая фиксировать эти феномены социальной жизни. Описанию этой методологии и посвящен третий параграф.

В третьем параграфе «ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ВО ВЛАСТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ» анализируются две традиции, сформировавшиеся в отечественной социологии постсоветского периода. Представители первого

направления в качестве эмпирической базы исследования используют официальные статистические источники и количественные данные, собранные по калькам анкет советского периода. Подобные исследования даже при тщательном соблюдении всех исследовательских процедур способны дать только картину полного распада и деградации. Это связано с тем, что исследовательские конструкты здесь нацелены на анализ уже исчезнувших, исчезающих реалий или реалий еще не возникших (формально-легальные переменные). Однако еще менее реальную картину дают исследования, ориентированные только на качественные методы и на нивелирование правовой нормы. В этом варианте мы получаем картину тотальной неформальности. Легальные и общезначимые правовые нормы здесь просто отсутствуют. Соответственно, развитие экономики превращается в дрейф по непредсказуемой траектории. Место анализа занимают бесконечные описания существующих практик.

Предлагаемый в работе подход основан на совмещении этих традиций. Формально-правовой пласт выступает здесь как одна из сторон властно-экономического пространства, формирующая его наряду с другими. Для установления места, занимаемого каждым элементом в этом пространстве, использовались неформализованные интервью и лингвистические, а не математические методы обработки данных. Такой подход позволяет сделать предметом анализа не отдельные факторы, влияющие на принятие решения, но саму картину мира, обеспечивающую целостность социально-экономического пространства. Таким методом и выступает «категоризация социального взаимодействия», предложенная Х. Саксом, основанная на приемах лингвистики текста. В данном параграфе описывается сама исследовательская процедура, уточняются ее эвристические возможности и границы применения. С нашей точки зрения, предложенная процедура оправдана в ситуации социальной аномии, когда ценности и нормы теряют всеобщий характер, а каждое взаимодействие, не столько типизируется, сколько воспринимается как единичное, уникальное. В этих условиях категоризация социального

взаимодействия позволяет выделить и описать устойчивые фигурации (Н. Элиас), характерные для данного типа пространства, описать само пространство и динамику его развития. Это и предпринимается в следующей главе.

Вторая глава работы «РАЗВИТИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СТРАТЕГИИ ВЛАСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ» разделяется на три параграфа «ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ», «БИЗНЕС-СТРАТЕГИИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ВЛАСТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА» и «ПОИСК НОВЫХ ПРИНЦИПОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ» и посвящена выявлению устойчивых типов социального взаимодействия бизнеса и власти на уровне страны, выявлению региональной специфики.

В течение всего периода реформ диалог власти и бизнеса осуществлялся не столько в институционально заданных формах, сколько в виде неформальных экономических практики, во многом, унаследованных от советской неформальной экономики. Эти практики уже получили достаточно подробное описание в специальной литературе. Достаточно явно просматривается направление развития этих отношений. До 1998 года формальные и неформальные экономические практики существовали параллельно. Если на легальном уровне (государственные и акционированные государственные предприятия) диалог регулировался (крайне неэффективно) наличной нормативной базой, то неформальный сектор смог выстроить достаточно динамичные и эффективные отношения с властями разных уровней. Бизнес в диалоге был представлен «крышей» более или менее высокого уровня, а власть – государственным служащим, узурпировавшим часть властных полномочий государства («приватизировавшим» его). В период с 1998 по 2001 годы формальные и неформальные практики перестали существовать раздельно. Впрочем, и до того, раздельность присутствовала не всегда, но теперь это становится общей тенденцией. Неформальные практики превращаются в устойчивые способы поведения, подвергаются частичной

институционализации, становятся основной формой взаимодействия власти и бизнеса. Заинтересованность бизнеса в неформальном характере взаимодействия с властью предопределялась большей эффективностью этого взаимодействия по сравнению с формальным типом взаимодействия. Не менее важным было и то, что наличие неформальных контактов защищало предпринимателя от появления новых игроков-конкурентов на бизнес-арене. Наиболее высокие транзакционные издержки фиксировались «на входе» в бизнес-пространство. Гарантией «правильного поведения» представителей государства была их материальная заинтересованность. Гарантией «правильности» поведения бизнесменов выступала «презумпция виновности». Наличие многих, противоречащих друг другу правовых норм (законов, указов, инструкций, приказов, региональных и муниципальных законодательных норм и т.д.) приводило к тому, что одно и то же экономическое действие регулировалось более, чем одним законодательным актом. Тем самым, любое действие, при желании, могло быть оценено как преступление. Наличие же селективности проверок придавало этой ситуации характер «отсроченной санкции». Время наступления санкции (и наступит ли санкция вообще) определялось властью. Однако, застрахованная от неожиданностей власть, оставляла бизнесу «пространство для маневра». К началу первого срока президентства В.В. Путина эта структура, устраивающая и бизнес, и власть, пронизывала всю экономику страны. Но именно это обстоятельство ставило нового президента в сложное положение. Он, в отличие от своего предшественника, не выстроил, а унаследовал властную структуру. Будучи наследником формально-властной структуры, он оказывался незадействованным в неформальных (основных) играх. «Презумпция виновности» определялась и контролировалась не им. Практически, к началу правления В.В. Путин оказался лишен большей части рычагов воздействия на бизнес. Сами же рычаги оказывались в других руках. Условием сохранения реальной власти в этой ситуации было: разрушение существующей «презумпции виновности» и воссоздание ее на новых основаниях.

Первая задача была решена в период с 2000 по 2004 год. Ее элементами стали:

- постепенное выведение из игры представителей бизнеса, связанных с прежней системой («семьей»);
- унификации законодательства как условие разрушения прежней «презумпции виновности» (новый налоговый кодекс, введение института полпредов, приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным и т.д.);
- контроль над Госдумой как гарантия контроля над законодательством в будущем.

Соответственно, задачей следующего этапа выступает построение новой «презумпции виновности», контролировать которую и будет президент. Поскольку основой успеха первого этапа стало общественное мнение, ориентированное на концепт «порядка» (неформальные практики здесь трактовались как «хаос» и «произвол чиновников и олигархов»), то и направление формирования новой «презумпции виновности» оказывается достаточно жестким. Оно должно быть противопоставлено прежним практикам и прежней (официальной) идеологии. Иными словами, оно должно иметь легальную форму, «патриотическую» (антилиберальную) риторику и не иметь персонификации в иных фигурах, кроме президента. Таким направлением и может стать пересмотр итогов приватизации начала 90-х годов. Поскольку усилиями коммунистических агитаторов приватизация уже давно воспринимается как «антинародный заговор», то отмена ее результатов может быть с энтузиазмом воспринята большей частью населения. В силу того, что приватизация осуществлялась в условиях законодательного вакуума, а законы принимались в значительной степени «по факту», то не составит труда обнаружить и нарушение закона. Более того, это же положение позволит не обнаружить нарушения. Здесь и возникает возможность воссоздать презумпцию виновности и рычаги контроля над бизнесом. Однако, в отличие от предшествующей формы, контроля одностороннего, без возможности встречного воздействия.

Подобная динамика проявляет себя и на уровне дальневосточного региона. Здесь всегда, с момента освоения его первыми землепроходцами существовали практики «исправления» законов центрального правительства, крайне слабо соотносящихся с реальными нормами экономического поведения. За столетия существования в регионе сложилась структура, позволяющая «гасить» негативное властное воздействие. Она пронизывала собой все уровни власти и бизнеса. В рамках этой структуры власть получала искомые средства, а бизнес гарантии. Такой структурой выступала социальная сеть. В рамках сетевого взаимодействия различные уровни иерархии переводились в одну плоскость, доступную для воздействия со стороны бизнеса. В силу этого обстоятельства на Дальнем Востоке, прежде всего, в Хабаровском крае, с которым связана наша эмпирическая база, раньше, чем в целом по России, сложились общие правила игры. Эти правила объединяли в себе формальные и неформальные практики за счет сведения публичных отношений к частным связям, увеличению размеров социальной сети. Уже в биографических нарративах, относящихся к 96-97 годам одним из ключевых выступает концепт «все так делают». В то же время в интервью, собранных в Санкт-Петербурге, Москве и Новосибирске этот концепт появляется лишь к 1999-му году. Вместе с тем, новая ситуация порождает реестр возможностей, сценариев. Первый обозначим как оптимистический. Смысл его в выстраивании новой системы отношений власти и бизнеса. Разница между приватизационной и реальной стоимостью предприятий оформляется как «долг» бизнес по отношению к обществу. Например: сто миллиардная задолженность ЮКОСА (как и любого предприятия регионального уровня) не взыскивается одномоментно, а реструктуризируется. Она оформляется в виде определенных процентов, которые данное предприятие должно вернуть стране (не государству). Эти деньги направляются на реализацию долгосрочных (в привычном понимании не рентабельных) проектов. Это – геологоразведка, строительство новых путепроводов, создание наукоемких технологий, способных стать основой для нового взлета экономики страны. Направлять процесс создания новой экономики должно экспертное сообщество, составленное из представителей

социально-политических, экономических и технических дисциплин. Выгода для власти здесь достаточно понятна – в ее руках сосредотачивается управление отраслями новой экономики. На долю «олигархов» остается «советский трофей». Экспертное сообщество представляет интересы другой стороны – общества.

Важное место в данном варианте занимает малый бизнес. Малый бизнес на сегодня эффективен в условиях многочисленных и дешевых трудовых ресурсов. Однако Дальний Восток отнюдь не является трудоизбыточным. Традиционно основная масса трудовых ресурсов импортировалась регионом из других областей. Но на сегодня региону необходимо, во всяком случае, в ближайшее время, ориентироваться только на наличное население. Привлечение дешевой рабочей силы из сопредельных стран не столько решает проблемы, сколько создает новые.

Итак, условия, в которых региону придется развиваться в ближайшие годы, это – малое и рассредоточенное по огромной территории население, слабое развитие коммуникаций, труднодоступные запасы природных ископаемых. В качестве позитивных моментов можно отметить: близость к АТР – наиболее динамично развивающегося региона мира, высокий уровень образования населения, наличие биоресурсов, энергоресурсов. Эти параметры и определяют характер развития региона: формирование системы наукоемких уникальных производств с минимальной загрузкой ручного труда. Средства для этого могут быть получены в виде трансфертов «долговых» выплат. Малые предприятия, связанные с производством и сбытом ТНП в этой стратегии занимают, достаточно скромное место, которое и должна занимать неформальная экономика в постиндустриальной стране.

Возможен иной сценарий развития событий. Его можно обозначить как «государственный». Государство, организуя банкротства крупнейших предприятий, проводит их национализацию. Имущество промышленно-финансовых групп выкупается по остаточной стоимости. Сосредоточив в своих руках важнейшие предприятия, государство может осуществить модернизацию экономики за счет прибыли от их деятельности, непосредственно поступающей

в бюджет. Однако, здесь возникает опасность, традиционная для России. Деньги из бюджета в условиях отсутствия «внешнего» контроля имеют тенденцию пропадать. В первом варианте таким внешним контролем становится экспертное сообщество. Оно контролирует и направляет, но не распоряжается. Для борьбы с этим злом будут возникать новые и новые силовые структуры, что неизбежно приведет к сворачиванию демократических норм и свобод граждан, снизит их защищенность. Если же такая борьба вестись не будет, то возникнет экономика наподобие той, что уже сложилась в 90-е годы. Однако эта экономика будет беднее на те средства, которые были затрачены на борьбу с прежней. Такая национализация с последующим переделом собственности и составляет третий – пессимистический – вариант развития событий. Какая из возможностей окажется действительностью покажет самое ближайшее будущее.

В заключении подводятся итоги исследования, определяются его перспективы. Сегодня общество, как и экономика страны вновь находятся в точке бифуркации. От того, какой выбор сделаем мы, представители профессионального сообщества социологов будет зависеть и выбор страны, ее населения, бизнеса, власти.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:

1. Социальный контракт в региональной экономике (бизнес во властно-фискальном пространстве региона)// Социально-политические процессы на Дальнем Востоке России: анализ, регулирование, прогноз. Сборник материалов первой региональной научно-практической конференции. – Хабаровск: Кн. Изд-во. 2004. – 0,1 п. л.
2. Семантический анализ концепта в поле властно-экономического дискурса// Социально-экономическое пространство региона: общество, политика, культура: Сборник научных трудов. Хабаровск: Рапид, 2004. – 1,06 п.л. (в соавт.)
3. Социально-экономическая структура и конфликт легитимностей// Социально-экономическое пространство региона: общество, политика, культура: Сборник научных трудов. Хабаровск: Рапид, 2004. – 1,4 п.л.

Чистяков Борис

РНБ Русский фонд

2007-4

17399

ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДПРИНИМА
И ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Автореферат на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Подписано в печать 25.10.04. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 220.

Издательство Хабаровского государственного технического университета.
680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.

Отдел оперативной полиграфии издательства
Хабаровского государственного технического университета.
680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.